

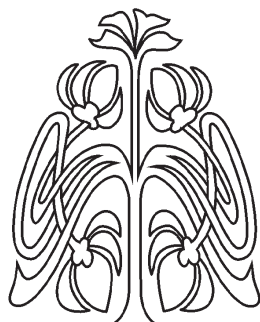
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА»

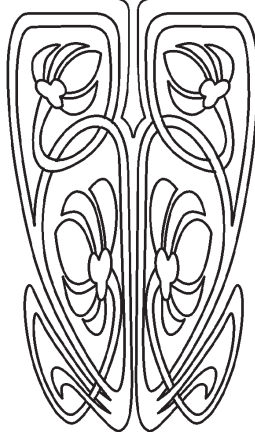
Проблемы стремительно глобализирующегося мира являются актуальной темой социально-философских исследований. Становление глобального общества риска, место и роль цивилизаций в глобализирующемся мире, а также проблемы бытия личности в современном социуме стали основными объектами внимания и философского исследования на прошедшем 16 мая 2011 г. на философском факультете круглом столе «Столкновение цивилизаций в глобальном обществе риска». Круглый стол был организован кафедрой теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета. В его работе активное участие приняли ученые, преподаватели, студенты и аспиранты Саратовского государственного университета (СГУ), Саратовского государственного технического университета (СГТУ) и Поволжской академии государственной службы им П. А. Столыпина.

Работу круглого стола открыл профессор, доктор философских наук В. Б. Устьянцев. В своем докладе «Глобальное общество риска: этапы становления» он обозначил основные направления работы круглого стола и сосредоточился на аспектах становления глобального общества риска. Как отметил В. Б. Устьянцев, глобализация изменяет наши представления о мире, о путях цивилизационного развития человечества. Взаимобусловленность региональных и мировых событий приобретает самые неожиданные формы. Все чаще возникают вопросы, что может быть общего между техногенной катастрофой на Чернобыльской АЭС и авариями АЭС «Фукусима» в Японии, между террористическими акциями Аль-Кайды в США и взрывами в Московском метрополитене, между кровавыми событиями в Сирии и Ливане. Все эти события так или иначе связаны с тем, что человечество вступает в глобальное общество риска, где техногенные катастрофы дополняются геополитическими столкновениями, а социально-политические риски сопровождаются нефтяными и информационными войнами, где высшие ценности неолиберализма в США и Западной Европе перечеркиваются силовыми действиями и бомбовыми ударами стран НАТО по городам Сербии, Ирака, Ливии.

Опасные и крайне непредсказуемые по своим последствиям явления глобального мира становятся объектами научной рефлексии. На смену широко распространенным в научном общении прошлого века понятиям «стабильный мировой порядок», «устойчивое развитие», «международное сотрудничество» приходят понятия-концепты – «глобальный риск», «глобальный конфликт», «международный терроризм», «демократические крестовые походы», «расколота цивилизация». Изменяются мировой порядок и наши представления о нем. Новые концепты свидетельствуют о новом отношении научных сообществ и планетарного сознания к мировым процессам. Современные глобальные теории общества направлены на разработку альтернативных моделей планетарного развития, среди них все заметнее влияние концепции глобального общества риска. Хотя после первых публикаций У. Бека на эту тему

ПРИЛОЖЕНИЯ

прошло не более десяти лет, идея приобретает все более четкие очертания, формируется новое проблемное поле исследования рисков.

В. Б. Устьянцев считает возможным выделить два этапа в становлении глобального общества риска: период первоначального накопления глобальных рисков и этап институционализации глобального общества рисков. В отличие от эпохи первоначального накопления финансового капитала, ознаменовавшего становление капиталистического общества, современный этап накопления глобальных рисков охватывает техногенные системы производства мощных источников энергии, опасных для человека, а также нестабильные политические режимы Африки и Ближнего Востока. В странах с постиндустриальной экономикой процесс накопления глобальных рисков разворачивается в культуре, в столкновении книжных и посткнижных стандартов и образцов массового поведения, традиционалистских и постиндустриальных интеллектуальных ресурсов. Столкновение ценностей затрагивает не только духовные основы цивилизаций, но и безопасность человека. Ценности глобальной безопасности наталкиваются на действия международного терроризма с его установками на моральную вседозволенность, крайнюю жестокость и бесчеловечность, при этом политическое, правовое и ценностное противодействие международному экстремизму и терроризму образует один из горизонтов глобального рискогенного пространства. Первоначальное накопление глобальных рисков своими истоками уходит в период становления постиндустриального мира, где на одном полюсе новая волна глобализации техники и коммуникаций сопровождается столкновением ценностей разных цивилизаций, а на другом – нарастание масштабных экономических катаклизмов для многих стран мира превращается в испытание на прочность цивилизационных укладов и поиск новых путей выживания.

Взаимообусловленность тотальных рисков и мирового порядка приобретает на этапе институционализации глобального общества риска новые формы. С одной стороны, уже созданные международной практикой последних десятилетий десятки институтов глобального управления все чаще берут на себя функции минимизации планетарных рисков, с другой – возникают совершенно новые институциональные структуры, воплощающие ответы мирового сообщества на вызовы рискогенной глобализации. Все заметнее становится смещение оси мирового порядка от стратегий устойчивого цивилизационного развития и процветания к стратегиям выживания в глобальном обществе риска. Эти стратегии воплощаются в институционализации глобальных экологических проблем и стремлении минимизировать экономические и политические риски глобального масштаба. В

конкуренции приоритетов национальных элит развитых стран в пространстве глобального социума решающую роль приобретают рискогенные практики. На этом фоне возможности российских элит реализовывать национальные проекты эффективной институционализации масштабных рисков и достижения приемлемой безопасности становятся определяющими факторами повышения роли России в глобальном обществе риска.

В выступлении **доктора экономических наук, профессора кафедры управления социальными и экологическими системами Российской академии государственной службы при Президенте РФ Х. А. Барлыбаева** речь шла об основной линии современных межцивилизационных противоречий. Автор считает, что в двадцатом столетии многие народы провели эксперимент, заключавшийся в широкомасштабных и целеустремленных социальных преобразованиях в надежде добиться справедливого общественного устройства под названием «социализм». Надежды и ожидания не сбылись. В соперничестве и противоборстве двух перспектив общественного развития, оказавшихся основной линией межцивилизационных противоречий социально-политического характера (распространенная ныне концепция столкновения цивилизаций обращена, главным образом, к религиозной, т. е. виртуальной, трансцендентальной линии), существовавших с начала двадцатого столетия, к его концу победу одержала закосневшая за многие века и использовавшая в борьбе все возможные и доступные средства денежно-капиталистическая, взяв верх над «младенческой», еще не успевшей укрепиться перспективой стремления к социальной справедливости. И сегодня «победителей не судят», а побежденных не осуждает только ленивый.

Объективным основанием неравенства сил в этой исторической борьбе было то, что в качестве движущих сил денежно-капиталистических отношений были наиболее чувствительная и легко поддающаяся соблазну потребность людей в материальных благах, стремление к личному обогащению, к господствующему положению в обществе благодаря накоплению денег и капитала, приоритет личного над общественным, либеральное отношение к человеческим слабостям, прихотям и желаниям. Стремление же к справедливому общественному устройству делает упор на неустойчивое сознание человека, основывается на идеалистических, на первый взгляд, посылах, на неопределенном и зыбком понятии справедливости, приоритете общественного над индивидуальным, необходимости соблюдения личностью довольно строгих норм в общественной жизнедеятельности. Хронический недостаток интеллекта и неустойчивые моральные принципы в системе управления

процессами установления справедливых общественных отношений оказались самым слабым звеном данной перспективы.

Характерным следствием борьбы стали конвергенция, взаимопроникновение и движение навстречу этих перспектив. При этом движение оказалось таким, что денежно-капиталистическая перспектива, как наиболее активная и прагматичная, восприняла от противоположной самые прогрессивные социальные формы, методы и принципы: доступное образование, широкое медицинское обслуживание, социальное обеспечение. А перспектива справедливого общественного устройства в странах, где такая попытка провалилась, напротив, из-за субъективных причин переродилась, превратилась в свою противоположность, в качестве эталона восприняла наиболее уродливые формы альтернативы: монополистическое обогащение олигархов, культ денег, игнорирование науки, разрушение системы образования, кризис социальных и моральных ценностей, утрату чувства коллективизма и патриотизма, расцвет индивидуализма, распространение ущербных форм искусства и культуры. В итоге во всемирном масштабе позиции стремления к справедливому общественному устройству были сильно дискредитированы и ослабли, а денежно-капиталистическая система получила дополнительные импульсы для продления своего существования.

Аспирант кафедры теоретической и социальной философии СГУ Н. А. Стеклова рассмотрела локальные и глобальные конфликты в условиях цивилизационного противостояния. Межцивилизационный конфликт принимает две формы, распространяясь на микро- и макроуровне. На локальном, микроуровне возникают конфликты по линии разлома: между соседними государствами, принадлежащими к различным цивилизациям, внутри одного государства между группами из разных цивилизаций и между группами, которые, как в бывшем Советском Союзе и Югославии, пытаются создать новые государства на обломках прежних. Локальные конфликты, помимо того что они могут объединяться (сами по себе или под чьим-то покровительством), могут и самопроизвольно расширяться, превращаясь в глобальные, или мировые войны. При этом используются все средства – от прямой агрессии до самых совершенных коммуникационных конфликтов под предлогом защиты прав человека.

На глобальном, или макроуровне возникают конфликты между «стержневыми» государствами – государствами, принадлежащими к различным цивилизациям. Здесь также можно обозначить конфликты между регионами и нациями. Это крупномасштабные явления, мировые события, общественные движения, в которые вовлечены большие группы людей,

не желающие идти на какие-либо соглашения, отказаться от своей точки зрения. Такие конфликты могут привести к разворачиванию международных войн, примером которых могут служить холодная война между СССР и США, грузино-осетинский конфликт, конфликт между Западной Украиной и Россией.

Анализируя различные локальные конфликты в современном обществе риска, можно выявить тенденцию, заключающуюся в том, что такие наиболее значимые столкновения внутри государств все чаще находятся на авансцене всей планеты. Причина данного явления – национальные, материальные, ментальные и культурные интересы цивилизаций, которые либо поддерживают субъектов конфликта, либо стремятся их подавить. Так как конфликт всегда предполагает коммуникацию противоположных сторон, главный глобальный конфликт в современном мире – это коммуникационный. Его смысл заключается в том, что в своих действиях коммуниканты рассматривают коммуникацию как вызов, забывая о том, что во избежание рисков во всех областях необходим диалог.

На последовавший за выступлением вопрос о том, что лежит в основе конфликтного противостояния цивилизаций – противоречие или культурное различие – ответ был таков: в основе конфликтного противостояния может лежать синтез культурного различия и противоречий в понимании жизни, мировоззрении людей, политических интересах. Каждая цивилизация обладает своим набором ценностей, своеобразной ментальностью индивидов. К сожалению, жить в эпоху глобального общества риска невозможно без столкновения интересов, позиций, целей, но диалог необходим для существования всей планеты.

Аспирант кафедры теоретической и социальной философии СГУ А. В. Юдин обозначил основные геополитические риски современности. Риски эпохи глобализации носят глобальный характер и не замыкаются в рамках одного социума или группы социумов. Следует сказать, что культурные различия, безусловно, являются причиной геополитических рисков, но едва ли являются единственным их источником. Понятие «геополитический риск» является сугубо социальным феноменом, и широкий спектр литературы, рассматривающей данный феномен, дает не менее обширный спектр объяснений причин возникновения геополитических конфликтов в современном обществе. В работах немецкого социолога У. Бека риски связываются с «прогрессирующей модернизацией» и глобализационными процессами, создающими опасности из-за неправильного функционирования технологий или социальной среды; британский социолог Э. Гидденс источники рисков усматривает во вторжении человеческого знания в мир природ-

ных закономерностей; английский антрополог М. Дуглас считает, что риск выступает как совместный продукт знания и согласия.

Отвечая на вопрос, почему современные цивилизации стремятся сохранить свое жизненное пространство, докладчик отметил, что, исходя из классических органицистских представлений первых геополитиков, стремление к сохранению, развитию и расширению жизненного пространства является естественным условием существования государства как живого организма. В рамках современных условий существования цивилизаций, государств, социумов сохранение жизненного пространства является одним из немногих условий сохранения культурной идентичности (хотя история знает пример ее сохранения и без наличия жизненного пространства государства – это иудейская культура).

Кандидат философских наук, доцент СГТУ Д. И. Заров обратился к осмыслению потенциала цивилизационных социокодов в контексте столкновения цивилизаций. По его мнению, на этапе цивилизационного становления в основаниях формирующейся локальной цивилизации закладываются определенные социокоды – объективные смыслы и установки деятельности и мышления, существующие в качестве своеобразного «третьего мира» социальной реальности. Потенциал социокодов зависит от соизидательных возможностей создающих цивилизацию этносов и суперэтноса и определяет границы пространственного и временного существования цивилизации.

Столкновение цивилизаций – это прежде всего столкновение каждой из них с самой собою, своими границами и возможностью наладить конструктивный диалог. Основное противоречие каждой цивилизации – это противоречие между заложенными в ее культуре социокодами, смыслами, идеями и возможностью их реализации в данных условиях. Столкновение возникает, когда возможность её самостоятельного существования вступает в противостояние с ее основами и смыслами.

С достижением цивилизацией пределов, в которых социокоды могут «контролировать» содержание собственного выражения в социальной реальности, они начинают вырождаться. Суть современной цивилизационной экспансии состоит в перестройке, изменении цивилизационных границ. Столкновение цивилизаций в значительной степени заключается в противостоянии информационных кодов и выступает как проявление «бесконечной битвы вокруг культурных кодов и кодексов общества»¹. Одна из наиболее важных задач современной социальной науки – исследование различных стратегий цивилизационного развития и разработка перспективных для российской и цивилизационной модели человека сценариев цивилизационной реконструкции мира. Такая

разработка необходима, чтобы быть готовыми к любым возможным цивилизационным столкновениям.

Кандидат философских наук, доцент СГТУ Г. В. Епифанова выступила с докладом «Духовные основания цивилизационного развития в условиях общества риска». Следуя концепции цивилизации риска, разрыв между усилившимися сложностью и могуществом технологии и знанием ее возможного воздействия на окружающую природу и человеческие общности приводит ко все большей рисконасыщенности современного общества, которая проявляется в увеличении количества технологических, экологических и иных аварий и катастроф.

В результате процессов глобализации и вестернизации начались изменения в основаниях русской культуры, ее духовного склада. Изменения духовного склада особенно опасны, поскольку затрагивают цивилизационные основы общества. Наибольшие риски лежат в противоречиях оснований души цивилизации, ее представлений о соотношении общества и государства, власти, мира и человека. Прежде всего риск заключается в том, сможет ли народ как субъект цивилизационного развития реализовать пассионарные возможности, способен ли он пройти до конца путь отстаивания своих интересов, сохранения цивилизационного пространства и роли в процессах глобализации. В современной российской культуре в невиданных ранее масштабах происходит духовное растрепывание молодежи и разрушение традиционных ценностей «кристаллической решетки» нации – ее духовного склада. Успешное развитие российской цивилизации в XXI в. требует, во-первых, комплекса мер, направленных на преодоление этих негативных тенденций и, во-вторых, нового курса и качественно новых стратегических линий прогресса. Россия не должна и не может повторять буржуазно-индивидуалистический путь, но, усваивая, заимствуя материальные и духовные достижения Европы, осуществляя синтез ее культуры и своей, может идти самостоятельным путем в границах русской традиции в соответствии с социально-нравственным идеалом русского духа – таков основной вывод русской мысли на протяжении двух столетий, как полагает автор.

Кандидат философских наук, доцент ПАГС им. П. А. Столыпина С. М. Фролова актуализировала тему повседневности в условиях глобализации. По мнению исследователя, в современных условиях, когда человечество являет собой глобальную целостность, повседневность обретает открытый, «ризоморфный» характер². Дело в том, что человек в своей повседневности стремится к самореализации, к обретению благ, которые сегодня ассоциируются с достижением определенного уровня развития странами Западной Европы и Америки. Такая тенденция

ведет к разрушению национальных культур, к повышению неустойчивости нашего мира, нарастанию хаоса в глобальном масштабе, столкновению цивилизаций.

Автор концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон отмечал, что неудачные «попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую» и нежелание определенных цивилизационных обществ признать монистическую ценность культуры Запада могут привести к взаимной отчужденности огромных людских масс³. В связи с этим основными причинами цивилизационных конфликтов в современном мире, согласно утверждению американского политолога, станут не экономические и идеологические, а культурные. Для достижения цивилизационного миропорядка необходимо признать значимость любой культуры, а не стремиться к установлению диктата одной из них. При этом важно понять, что внедрение иных устоев в повседневную жизнь любого общества приведет к утрате его самобытности, к лишению базовых навыков, так как изменение составляющих повседневной культуры разрушает установленные детерминанты социального бытия и сложившуюся систему духовных ценностей, оказывающих значительное влияние на повседневное существование. Более того, такая ситуация может привести к утрате части повседневного жизненного мира, понимаемого Э. Гуссерлем как до-научные глубины бытия человека, как до-словное пространство быта (Ф. И. Гиренок), а значит, к разрушению механизмов регуляции межчеловеческих отношений в обществе.

Таким образом, столкновение цивилизаций может быть вызвано вовсе не угрозой военных действий, а стремлением сохранить привычную самобытность повседневной культуры. Важно понять, что только ее устоявшиеся духовные и ментальные основы позволяют осмысливать человеческое существование и могут противостоять апокалиптическому, разрушительному столкновению.

Аспирант кафедры теоретической и социальной философии СГУ А. А. Дьяков рассмотрел специфику социальных практик амбивалентного человека в глобальном обществе риска. По его мнению, глобальные социальные процессы меняющегося мира находят свое отражение на уровне личного восприятия и переживания жизненного мира. «Войдя в новый век, человек испытывает потребность в новой идентичности с окружающим миром, потребность в новых ценностях, необходимых для самоутверждения и создания надежных жизненных стратегий»⁴. Традиционные социальные практики, производителем и транслятором которых являлся человек в структуре своей цивилизации, сменяются инновационными глобальными. Стираются границы между различными цивилизациями, формируется единое экономическое, социаль-

ное, культурное, политическое пространство. Практики нового глобального мира вступают в конфликт с практиками локальных цивилизаций – человек переживает этот процесс как кризис идентичности, актуализируя вопрос о ценности собственного бытия. Внутренний конфликт, инициированный совокупностью господствующих социальных практик, порождает амбивалентного человека, который, с одной стороны, не может обрести собственной идентичности кроме как в лоне своей культуры и цивилизации, а с другой стороны, вынужден действовать, руководствуясь логикой тех практик, которые доминируют в глобальном социуме. Следовательно, он сам становится носителем и производителем нового типа социальных практик, внутренне противоречивых и конфликтных, поэтому потенциально рискованных.

Докладчику был задан вопрос, является ли дихотомия «цивилизационное – глобальное» потенциальным конфликтогенным источником. Автор ответил, что эта дихотомия используется в контексте доклада как теоретическая конструкция, призванная отразить существенное различие цивилизаций как исторически сложившихся культурных целостностей с устойчивым экономическим, духовным, социальным фундаментом и глобализации как искусственного процесса, инициированного экстрацивилизационными факторами. Эта дихотомия может стать источником конфликтогенности в том случае, если будет восприниматься и пониматься как практическое руководство при принятии конкретных политических решений. На уровне теоретического обобщения она задает масштабы и границы возможного исследования проблем глобализации и интеграции цивилизаций в глобальное сообщество.

Аспирант кафедры теоретической и социальной философии СГУ Э. Р. Фахрудинова обозначила конфуцианские тенденции в стратегии мирного урегулирования межцивилизационных конфликтов. Восточноазиатские технологии информационно-психологического влияния на течение конфликта опираются на традиционные ценностные установки, прежде всего конфуцианства, остающиеся, несмотря на все идеологические веяния, основанием мировоззрения китайского и других обществ Восточной Азии. Традиционные ценности конфуцианской этики определяют отношения как в рамках семьи, так и между разными социумами. Не только в Китае, но и в других странах этого региона этическая доктрина конфуцианства является преобладающей в общественном мнении и без ее учета, другими способами весьма трудно воздействовать на сознание.

Таким образом, в настоящее время модели психологического разрешения современных межцивилизационных конфликтов представлены четырьмя основными мировыми цивили-

зациями, каждая из которых обладает своими, присущими только ей отличительными особенностями. Автор соглашается со словами М. Т. Степанянц, что, «согласно конфуцианским представлениям, модель будущего мира должна символизировать гармоническое единство всех существующих цивилизаций»⁵. В социально-этической системе конфуцианства гармония представляет собой универсальный путь, которого следует придерживаться при любых обстоятельствах. Это предполагает умеренность во всем – в эмоциях и желаниях, – отказ от противоречивых поступков, т. е. реализацию принципа «золотой середины». Лишь таким путем можно сохранить мир и избежать насилия. Гармония, тем не менее, не исключает и различий. Так, современному обществу необходима гармония взаимодополняющих различий («гармония через различия») во имя всеобщего процветания, поэтому конфуцианская модель глобального мира исключает доминирование какой-либо цивилизации.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПАГС им. П. А. Столыпина Е. Д. Зарова остановилась на проблеме механизмов формирования и назначения стереотипов и парадоксов в восприятии российской культурно-цивилизационной идентичности. Автор считает, что при формировании образов цивилизаций действуют механизмы стереотипизации: эти образы-нарративы распространяются через СМИ, существуют в высказываниях общественных деятелей. Но подобные нарративы навязывают отдаленные от существующих в реальности государств образы. Так, сложившиеся о том или ином обществе стереотипы весьма жестки и устойчивы, в то время как реальность бытия цивилизации постоянно меняется. Можно сказать, что субъектами процессов взаимовосприятия являются не существующие цивилизации, а мифы, созданные о них.

На протяжении всей истории развития российской цивилизации и в настоящее время основным конституирующим «Другим» для России можно считать европейскую идентичность. Цивилизационный статус России с позиции подхода «Я – Другой» определяется через признание ее как пограничного случая европейской идентичности: налицо предзаданность взаимовосприятия России западным сообществом как «Другого» и наоборот.

Стереотипы в восприятии «другой цивилизации» часто парадоксальны: ярким примером подобного парадокса является тот факт, что российская цивилизация долгое время, особенно в XX в., воспринималась и в целом сейчас воспринимается как политическая или военная угроза западному демократическому сообществу, и в то же время за ней закреплены ярлыки отсталости, невежества, примитивности, образ вечного ученика, перенимающего европейские

духовные, политические и иные практики и, по сути, не способного выступить в качестве существенной угрозы. Но данная парадоксальность вполне объяснима: образ России как «Другого», с одной стороны, соотносится с образом врага, вызывающего страх, а с другой стороны, лишается привлекательности по базовым критериям (отсутствие высокого уровня жизни, стабильности, безопасности и т. д.) с целью недопущения выбора в пользу России как возможной альтернативы развития.

Аспирант кафедры философии СГТУ Н. С. Шаповалова рассмотрела феномен конфликта в социальной памяти русского народа. По ее мнению, в истории развития российской цивилизации можно выделить несколько периодов: исходя из традиционных представлений, под русской цивилизацией мы можем понимать Россию до 1917 г., под советской – период 1917–1991 гг., после 1991 года – период российской цивилизации. Несмотря на то что каждый последующий этап означает снятие ценностей предыдущего и их замену на новые, можно говорить о целостности российской цивилизации и преемственности этих этапов. Эту преемственность обеспечивает социальная память как форма адаптации цивилизации при переходе от одной структуры к другой. Каждый этап российской цивилизации представляет собой сочетание, с одной стороны, автохтонных тенденций, вырастающих из глубин коллективного сознания и памяти, и наносных, внешних элементов, которые навязывались нам в определенные периоды «сверху». Именно эти внутренние автохтонные тенденции определяют стратегии, мотивы и основания поведения в межкультурных конфликтах и столкновениях.

На вопрос, происходит ли изменение институционального измерения социальной памяти, докладчик ответила, что такое изменение несомненно происходит. Н. С. Шаповалова предлагает выделять шесть этапов институционализации социальной памяти, критериями которых выступают средства кодирования и передачи информации, характерные для определенного этапа развития общества: кодирование и передача социальной памяти посредством системы жестовых знаков, речи (языка), устной традиции (выраженной в эпосе), текстов – рукописных (с появлением алфавита), печатных (с появлением книгопечатания) и электронных.

Кандидат философских наук, доцент СГУ И. А. Дорошин обратился к рассмотрению протестных движений в структуре религиозных революций. Ключевым понятием этой проблемы становится фундаментализм, который и анализирует автор, обращаясь к работе Н. К. Нильсена⁶. Фундаменталистское «возрождение» может служить критерием отрицательных тенденций в обществе в целом и, в конечном счете, ориен-

тиром для выгодных направлений социальных изменений. Действуя на краю законности – сочтя протест и проповедь, – фундаменталистские группы создают социальную напряженность и риск.

Фундаменталистская активность обратно пропорциональна гражданской: чем меньше активная группа, тем проще она провоцируется или реализует угрозы. В социальном плане напряженность в некоторой степени объясняется известной проблемой в теории игр – дилеммой заключённого: действуя строго рационально, участники отказываются от сотрудничества друг с другом, даже если это в их интересах. Похожий алгоритм мы видим и в поведении фундаменталистских социальных «игроков», действующих абсолютно рационально – и поэтому неверно.

В ответе на вопрос к докладчику, существует ли экуменическое движение в условиях глобализации, он сказал, что «экуменическое движение» – это термин, который в устах фундаменталистов, публицистов, религиоведов и т. д. означает абсолютно разные вещи. Он аналогичен «зомби-понятию» (У. Бек), которым все больше пугают. Когда движение начиналось, существовал диалог, например, между Православной и Англиканской церквями. Много, кстати, для межконфессионального диалога сделал Н. С. Арсеньев, великий русский культуролог, основатель первой кафедры религиоведения в СГУ, друг С. Л. Франка. Сегодня, к сожалению, это понятие потеряло смысл, поскольку не означает диалога между христианскими общинами, а стало «китчем» в межкультурных контактах самых разных религиозных общин.

Студентка 4-го курса философского факультета СГУ Ж. О. Посуныко исследовала идейные основы терроризма в глобальном обществе риска. Главными причинами роста терроризма в современном мире становятся обострение социального и экономического неравенства как между государствами, так и внутри страны, исчезновение среднего класса, безработица, разрушение культурных ценностей, ухудшение психического здоровья населения, низкая правовая культура, распространение СМИ взглядов и идей, ведущих к нетерпимости и насилию, и неспособность правоохранительных органов и органов власти справиться с нарастающей преступностью.

Социальные и идейные истоки терроризма как явления детерминируются, в конечном итоге, матрицей цивилизации. Терроризм аккумулирует в себе всю систему противоречий общественной жизни, куда входят: онтологические (бытийные) противоречия, социальные и политические, духовного и мировоззренческого характера. В их основе лежит стрессовая ситуация как результат столкновения на суперэтническом уровне различных культур

и цивилизаций. Экстремисты и террористы прошлого и настоящего представляют людей с негативным мироощущением.

Магистр кафедры теоретической и социальной философии СГУ О. Винтер затронула истоки идеи культурологического конфликта в творчестве О. Шпенглера. Каждая культура, с его точки зрения, – это душа, она уникальна и в ней заключена своя неповторимая тайна, разгадать которую никому не дано. Культура, аналогично с тремя этапами человеческой жизни, в своём развитии проходит три ступени: этнографическую, культурную и ступень цивилизации. Философ считает, что цивилизация есть воплощение «самых крайних и искусственных состояний», осуществить которые способен лишь высший род людей. Цивилизация – это то, что близко смерти, это завершение, возникающее вслед за становлением, «неизбежная судьба культуры». Речь идёт о глубокой внутренней смерти.

Шпенглер делает акцент на том, что отличает цивилизации друг от друга и совершенно игнорирует их общность. В противовес гегелевской схеме истории, основанной на европоцентризме, он предложил такую, в которой история разделена на отдельные культуры. В невозможности сообщения между культурами философ увидел бесцельность человеческого существования. Необходимым условием, при котором возможен смысл существования, философ полагал осознание себя как человека определённого столетия, нации, типа, в глубинном заполнении этих границ.

Аспирант кафедры философии СГТУ К. Н. Фомина попыталась выявить методологическую роль наук о жизни в условиях цивилизационного развития. В научном сообществе правомерно говорить о повышенном интересе к проблеме жизни, через решение которой возможно построение нового взгляда на глобализующийся мир. На протяжении почти всего XX в. в области физики, биологии, философии и других дисциплин происходили переосмысление данного феномена, критериев различения живой и неживой природы, а также выработка новых гипотез и концепций, решающих данный фундаментальный вопрос.

Сдвиг к наукам о жизни в современной философской, а также естественно-научной парадигме предполагает рассмотрение мира как системы, все элементы которой взаимосвязаны, а сама система выступает как нечто живое, одушевленное. Кроме того, следует заметить, что такие выдающиеся мыслители, изучающие феномены культуры и цивилизации, как Г. Зиммель и О. Шпенглер, в своей философии исходят именно из философии жизни. Это служит еще одним подтверждением того, что проблема жизни актуальна не только для онтологических исследований в области философии, естественно-научных и физиологических дисциплин, но

и в качестве методологических ориентиров в социальной философии и теории культуры, а также в качестве формирования особых мировоззренческих позиций в общественном сознании. Осознавая себя связанным со всем, что находится в мире, и всем миром в целом, человек способен преодолеть усиливающийся духовный и ценностный цивилизационный кризис.

Подводя итоги работы круглого стола, его **руководитель, профессор, доктор философских наук Владимир Борисович Устьянцев** отметил, что вопросы бытия и развития цивилизаций приобретают особую актуальность в условиях становящегося глобального общества риска. Задача социальной философии в такой ситуации видится не только в просчитывании рискованных ситуаций и выработке планов по минимизации рисков: социальная философия способна выявлять риски цивилизационного развития, концептуально фиксировать проблемы бытия глобального общества риска и выработать прогнозы динамики социума. Заседания круглого стола по актуальным вопросам цивили-

лизационного подхода и концепции общества риска станут регулярными. Ближайшее заседание намечено на осень 2011 г. По материалам круглого стола будет издан сборник.

А. А. Дьяков, Н. А. Стеклова

Примечания

- ¹ *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. М., 1999. С. 304.
- ² *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Ризома // Ἐπιπέδια : журн. философских переводов. 2009. № 1 (1). С. 172.
- ³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 15.
- ⁴ *Устьянцев В. Б.* Человек, жизненное пространство, риски: Ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006. С. 3.
- ⁵ *Степанянц М. Т.* Восточные сценарии глобального мира // Вопр. философии. 2009. № 7. С. 39.
- ⁶ См.: *Nielsen N. C.* Fundamentalism, Mythos and World Religions. Albany, 1993. 450 p.